

Торговая война между США и Китаем как элемент протекционистской политики Д. Трампа

The trade war between the United States and China as an element of Donald Trump's protectionist policy

DOI: 10.12737/2587-6295-2026-10-1-168-184

УДК 327.8, 339.548

Получено: 22.01.2026

Одобрено: 24.02.2026

Опубликовано: 25.03.2026

Фурсов С.В.

Канд. экон. наук, старший научный сотрудник, ФГБУН Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова Российской академии наук, г. Москва
e-mail: fursov74@mail.ru

Fursov S.V.

Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, V.A. Trapeznikov Institute of Control Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow
e-mail: fursov74@mail.ru

Шумкин А.В.

Аспирант Института общественных наук, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Москва
e-mail.ru: arsen1293@rambler.ru

Shumkin A.V.

Postgraduate student at the Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow
e-mail.ru: arsen1293@rambler.ru

Аннотация

В данной работе применяется *методология*, основанная на мир-системном анализе – научной теории, объединяющей последние достижения марксистской политэкономической мысли. Данная теория рассматривает мир как единую глобальную систему, которая включает в себя ядро и периферию. Она исследует, как распределяются ресурсы и власть в этой системе, а также как это влияет на формирование исторических процессов на глобальном уровне. В связи с этим, авторами был выбран системный анализ в качестве основного метода исследования. В любой системе есть составляющие ее элементы, а также возникающие между ними связи и способы взаимодействия, которые определяют ее состояние (открытое или закрытое) и создают цикличное движение. В мировой системе таким способом взаимодействия является таможенная политика. Основная *теоретическая значимость* данной работы заключается в том, что на основе дискурс-анализа новостных сообщений в ней показано, как страны (элементы) ядра диктуют периферии неравные правила конкуренции на мировом рынке, тем самым сохраняя свое доминирующее положение. *Практическая значимость* работы заключается в том, что ее выводы могут быть использованы для стратегического планирования в сфере внешнеэкономической политики России. *Цель* статьи – сквозь призму миросистемного анализа исследовать текущее состояние мирового рынка и выявить основные тенденции его развития. Агрессивная протекционистская политика администрации действующего президента США Д. Трампа направлена на то, чтобы закрыть систему и таким образом удержать американский контроль

над ее функционированием. Эта политика реализуется через торговую войну, развязанную против Китая, который пытается открыть систему. Стратегия Д. Трампа отличается от традиционных методов ведения торговых переговоров. Она основывается на принципе «кнута и пряника», что подразумевает использование манипулятивных технологий и шантажа для того, чтобы вынудить другие страны пойти на уступки. Данный подход ориентирован на достижение краткосрочной выгоды для американских монополий, однако в более отдаленной перспективе ведет к завершению американского цикла накопления капитала. В статье предлагается последовательное материалистическое объяснение современных событий в контексте миросистемного анализа. Авторы анализируют, как текущие действия и стратегии влияют на глобальную экономику и какие последствия могут возникнуть в результате агрессивной протекционистской политики. Предпринята попытка глубже понять механизмы, которые управляют мировой системой, и выявить ключевые факторы, влияющие на ее развитие в условиях глобализации и изменяющегося баланса сил. Основной *вывод* статьи заключается в том, что, несмотря на технологическое лидерство, США постепенно утрачивают свое влияние на глобальный рынок, который все больше оказывается под контролем Китая. Кроме того, торговые барьеры, создаваемые США, могут спровоцировать масштабный международный конфликт.

Ключевые слова: торговая война, протекционизм, мировая торговля, пошлины, Трамп, США, Китай.

Abstract

The methodology of this work is based on a world system analysis – a scientific theory that accumulates the most recent achievements of Marxist political economic thought. Since it views the world as a single global system that includes the core and periphery, and explores how resources and power are distributed in it, and how this shapes historical processes at the global level, system analysis was used as a key research method by the authors. But in any system there are elements that make up it, connections that arise between them, ways of interaction that determine its state (open or closed) and create a cyclical movement. In the world system, this way of interaction is customs policy. The main theoretical significance of this work is that, based on the discourse of the analysis of news reports, it demonstrates how, due to it, the countries (elements) of the core dictate to the periphery unequal rules of competition in the world market, thus maintaining their dominant position. The practical significance is that its conclusions can be taken into account in strategic planning in the field of domestic foreign economic policy. The article examines the current state of the world market through the prism of this theory. The aggressive protectionist policy of the US presidential administration D. Trump is aimed at closing the system and thus maintaining American control over its functioning. This policy is implemented through a trade war launched against China, which is trying to open up the system. Trump's strategy, unlike traditional methods of trade negotiations, is built on the principle of "carrots and sticks," a combination of manipulation and blackmail technologies in order to force other countries to make concessions to him. This approach is aimed at achieving short-term benefits for American monopolies, but in the longer term it leads to the end of the American capital accumulation cycle. The article provides a consistent materialist explanation of current events in the context of world-systems analysis. The authors analyze how current actions and strategies affect the global economy and the potential consequences of aggressive protectionist policies. The article attempts to gain a deeper understanding of the mechanisms that govern the global system and identify key factors influencing its development in the context of globalization and the changing balance of power. The main conclusion of the article is that despite its technological superiority, the United States are gradually losing control of the global market, which is moving to China. At the same time, trade barriers created by the United States can provoke a large-scale international conflict.

Keywords: trade war, protectionism, world trade, duties, Trump, USA, China.

Введение

В аграрных обществах развитие материальной культуры было очень длительным процессом, поэтому отличия в условиях жизни следующих друг за другом поколений оставались незначительными. Лишь после наступления первой промышленной революции постепенное внедрение инноваций наполнило жизнь каждого нового поколения уникальным, не имеющим прецедентов в прошлом, опытом, который объединял его в особую социальную группу. И, прежде всего, приход индустриальной эпохи вызвал кардинальное преобразование самой социальной структуры общества, которое привело к его расколу на два лагеря – сторонников прогресса (либералов и социалистов) и тех, кто выступал за сохранение существующего порядка вещей (консерваторов). При этом сам процесс реформ в каждом отдельно взятом индустриальном обществе развивался циклично. Периоды интенсивных преобразований, требовавшие колоссальных усилий от всех его граждан, сменялись периодами относительного затишья и консолидации. Общество нуждалось в передышке, чтобы осмыслить произошедшие изменения, адаптироваться к ним и накопить силы для дальнейших преобразований. Это приводило к чередованию поколений реформаторов и сторонников консервативного курса у власти, к колебаниям в темпах и направлениях развития общества.

Наиболее наглядно этот процесс прослеживается на примере США, которые образовались уже в индустриальную эпоху в результате революционной войны тринадцати британских колоний за свою независимость. Поэтому с самого момента основания они были свободны от рудиментов феодализма. В 1986 г. А.М. Шлезингер выделил во всей предшествующей американской истории четырнадцать таких циклов. Но при внимательном их рассмотрении он обнаружил, что эти периоды не всегда совпадали с чередованием во власти демократов и республиканцев. Разумеется, политические платформы этих партий сформированы именно для того, чтобы отвечать текущим запросам гражданского общества, однако политическая культура отдельно взятого поколения зачастую подчиняет себе партийную идеологию и предопределяет действующий политический курс. С другой стороны, длительность таких бинарных циклов не всегда симметрична. В частности, самое большое отклонение наблюдалось после Гражданской войны 1861-1865 гг. и подытоживших ее результаты реформ Эндрю Джонсона 1865-1869 гг. Американцы были настолько потрясены этими событиями, что за десятилетием реформ последовало тридцать лет господства консервативного мышления [20].

Опираясь на свои исследования, А.М. Шлезингер спрогнозировал, что в 90-е годы XX в. должна начаться фаза реформ, которая продлится до тех пор, пока во власть не придет поколение, начавшее свою политическую деятельность во времена Р. Рейгана. Однако разочарование этого поколения и в предшествовавшем правлении демократического президента Дж. Картера (носившем консервативный характер), и в политике самого Р. Рейгана (при всей ее реакционности, отличавшейся своеобразным реформаторством) может обернуться для циклической американской политической системы тяжелым кризисом, сопоставимым по масштабу с Гражданской войной.

Поэтому А.М. Шлезингер предвидел приход в Белый дом приблизительно к концу первого десятилетия XXI в. «националистического правопопулистского авторитаризма» [20, с. 75-76]. Обращая ретроспективный взгляд на события недавнего прошлого, можно констатировать необычайную точность его аналитических выводов, содержащих предвидение как демократических реформ У.Дж. Клинтона и Б.Х. Обамы, так и победу на президентских выборах крайне правого республиканца Д. Трампа. При этом сравнение с Гражданской войной выглядит уместным, так как политика Д. Трампа основана на агрессивном протекционизме и полностью перечеркивает все усилия его предшественников по распространению принципов свободной торговли.

Выиграв свои первые президентские выборы, Д. Трамп, незамедлительно заморозил переговоры о заключении Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП) и вывел США из Транстихоокеанского партнерства (ТТП). Эти два соглашения были

инициированы Б.Х. Обамой ради того, чтобы ликвидировать таможенные барьеры, отделяющие США от Евросоюза и новых индустриальных стран Азиатско-Тихоокеанского региона [1]. В 2018 г. Д. Трамп добился замены бессрочного Североамериканского соглашения о свободной торговле (НАФТА), открывшего с 1994 г. канадский и мексиканский рынки для свободной торговли американскими товарами, на USMCA (англ. United States-Mexico-Canada Agreement), срок действия которого ограничен 16-летним периодом [14]. Кроме того, Д. Трамп неоднократно декларировал намерение вывести США из Всемирной торговой организации, учрежденной благодаря У.Дж. Клинтону.

Вместе с тем, именно конфликт по поводу таможенных тарифов между республиканской и демократической партиями, представлявшими в середине XIX в., соответственно, интересы промышленного Севера и аграрного Юга, послужил непосредственной причиной Гражданской войны. Северные штаты, в которых быстро развивалась машинная индустрия, были заинтересованы в покровительственном тарифе, защищавшем их продукцию от конкуренции с британскими товарами, и в квалифицированной наемной рабочей силе. На Юге же находились большие плантации табака и хлопка, поэтому интересам его жителей в большей мере соответствовали беспошлинный ввоз в Европу американских сельскохозяйственных товаров и сохранение традиционного рабского труда. Это неразрешимое противоречие привело к отделению тринадцати южных штатов и образованию ими фритредерской Конфедерации, вступившей в войну с федеральным правительством, которое придерживалось протекционистского политического курса¹ [3; 17].

Конечно, читатель может возразить, что с тех пор американская партийная система дважды или трижды прошла процесс перегруппировки, и в ходе Гражданской войны именно демократы играли консервативную, а республиканцы реформаторскую роль. Тем не менее, сам текущий конфликт, также как позиции обеих партий в вопросах таможенной политики, повторяет модель, сложившуюся в ходе Гражданской войны.

Наглядным подтверждением тому, что политическая система США в данный момент уже завершила переход от реформаторского цикла к консервативному, служит политика Дж. Байдена, занимавшего должность вице-президента в администрации Б.Х. Обамы. Одержав победу над Д. Трампом на президентских выборах в 2020 г., он все же не предпринял ни одной попытки реанимировать фритредерские проекты Б.Х. Обамы, а вместо этого поддержал протекционистский политический курс, проложенный лидером республиканцев, хотя и использовал ради защиты американского рынка более систематические и предсказуемые меры.

Все это заставляет авторов полагать, что приход в большую политику Д. Трампа, которого часто упрекают в недостатке бюрократического опыта, вовсе не случаен, а обусловлен циклическими социальными процессами, приводящими в движение весь американский политический организм и подчиняющимися непреложным бихевиористским законам (иначе никому не удалось бы предугадать эти события). С этой точки зрения возвращение в Белый дом Д. Трампа в 2025 г. выглядит вполне закономерным. Несмотря на очевидное превосходство администрации Дж. Байдена над администрацией Д. Трампа в сфере управленческих компетенций, демократический президент, проводящий умеренно консервативный политический курс, вовсе не соответствовал текущим ожиданиям американцев. Другими словами, Дж. Байден продемонстрировал именно ту двойственность,

¹ В литературе, освещающей причины Гражданской войны 1861-1865 гг., акцент часто делается на проблематике отмены рабства. В действительности республиканский президент А. Линкольн готов был ради сохранения США внести конституционную поправку, закрепляющую правовой статус рабства, и только на второй год войны с Конфедерацией, чтобы подорвать ее экономику, он решил издать Прокламацию об освобождении. Таким образом, именно конфликт интересов вокруг ставок таможенного тарифа послужил камнем преткновения между республиканским Севером и демократическим Югом.

неопределенность выбранной им политической линии, которая когда-то разочаровала избирателей в Дж. Картере¹.

К этому следует добавить, что размах современного конфликта потенциально способен намного превзойти масштаб Гражданской войны 1861-1865 гг. Ведь доминирование над мировым рынком, которого США добились после завершения Второй мировой войны, раздвинуло границы их социальной системы. Поэтому переход США к политике агрессивного протекционизма неизбежно вызовет глобальный рост цен и снижение объемов всей мировой торговли.

В данной работе авторы ставят цель – проанализировать, как США с помощью тарифной политики пытаются замедлить процесс перехода контроля над мировой торговлей Китаю. Авторы стремятся выявить, какие тенденции возникают в результате перехода США к стратегии активного протекционизма, а именно, как это может привести к сбою в функционировании мировой системы и усилению международной напряженности. Эти факторы, в свою очередь, могут создать условия для возникновения потенциального крупномасштабного военного конфликта.

Авторы также вынуждены во введении пояснить значение термина «имперское президентство», введенного в политический лексикон А. Шлезингером, который подразумевает нарушение баланса сил между исполнительной и законодательной властью, позволяющее президенту самостоятельно распоряжаться вооруженными силами и расходовать бюджетные средства, использовать секретность в целях управления общественным мнением, а также преследовать своих политических противников [20].

Статья является продолжением серии публикаций, посвященных различным аспектам китайского глобализационного проекта [19; 21; 22]. Авторы адресуют данную работу исследователям, занимающимся вопросами современных международных отношений, а также политологам и экономистам, интересующимся процессами формирования нового мироустройства.

Обзор научной литературы

Когда в XVI в. европейские аграрные общества сформировали капиталистический рынок, таможенный протекционизм признавался базовой нормой торговой политики. Его целесообразность была обоснована в работах основателя первой школы политэкономии (меркантилизма) французского политика, философа и экономиста Ж. Бодена [9]. Тем, кто сформулировал понятие свободы торговли, был его современник – испанский правовед Ф. де Витория [26]. Однако лишь в середине XVIII в. появилась новая школа политэкономии – физиократия, отстаивавшая идею свободной торговли. Впрочем, настоящее развитие эта идея получила после промышленного переворота в фундаментальной работе одного из ключевых идеологов политического движения либерализма и основателя Манчестерской школы политэкономии – шотландца А. Смита [18].

В дальнейшем судьба идеи свободной торговли была связана с политическими идеологиями либерализма и социализма, теоретики которых рассматривали ограничения свободной конкуренции, наложенные в рамках таможенного протекционизма, как дискриминационные меры, провоцирующие международные конфликты. В связи с этим либералы и социалисты неизменно включали в программу своих первоочередных экономических реформ снятие таможенных барьеров. В противовес им идею таможенного протекционизма, которую развил в своих трудах один из основателей немецкой (так называемой «исторической») школы политэкономии Ф.Д. Лист, отстаивали политические деятели консервативного толка [16].

¹ Вся эта ситуация очень напоминает заключенную во время Первой мировой войны коалицию британского премьер-министра Д. Ллойд Джорджа с консерваторами, которая расколола ряды либералов и вскоре побудила англичан отвернуться от них и сделать выбор в пользу социалистической партии лейбористов, проводившей более последовательную реформаторскую политику.

В конце XIX в. французский социолог Г. Тард, рассуждая о необратимости общественного прогресса, заявлял, что невозможно возвращение например «от свободы торговли к монополии» и от свободы предоставления услуг к рабству. В ответ на это его русский коллега М.М. Ковалевский констатировал, что «современная Европа представляет нам образцы противного, т.е. возвращения к протекционизму, или монополии» [13, с. 29].

Действительно, в XX в., несмотря на неоднократные попытки либеральных и социалистических политиков снять международные торговые барьеры, идеи торгового протекционизма легли в основу теорий европейской интеграции («старого» регионализма»), в то время как принципы свободной торговли продолжает культивировать школа «нового регионализма», основанная на неомарксистских традициях [24-25].

Методы

Выбор методов научного исследования определялся спецификой изучаемого явления. Проведение научного литературного обзора позволило авторам сфокусироваться на теории А.М. Шлезингера, согласно которой цикличность американской политической системы ведет не только к чередованию поколений реформаторов и сторонников консервативного курса у власти, но также к значительным колебаниям в темпах и направлениях развития американского общества. Им было высказано предположение о приходе в Белый дом приблизительно к концу первого десятилетия XXI в. «националистического правопопулистского авторитаризма».

Использование исторического метода, помогающего установить причинно-следственные связи и понять контекст, в котором происходили изменения, позволило авторам исследовать протекционистскую политику США через призму времени, проанализировать ее возможные причины. Авторы рассматривают специфику торговых войн Д. Трампа, их эволюцию и влияние на современную мировую торговлю.

Кроме того, в процессе исследования авторами были применены методы контент-анализа и ивент-анализа, основанные на публикациях российских и зарубежных средств массовой информации. С их помощью были рассмотрены ряд публичных выступлений Д. Трампа и его указов, касающихся внешнеторговой деятельности США, а также отмены ранее действовавших актов его предшественников. Все это позволило упорядочить и структурировать сложные процессы в виде определенного событийного ряда, выявить основные тенденции развития событий и влияние одного события на другое.

В качестве методологического подхода был выбран миросистемный анализ, который позволяет изучать сложные системы (процессы) на глобальном уровне, рассматривая их как единое целое, а также позволяет исследовать взаимодействие различных факторов и их влияние на современный мир. В контексте глобальной системы анализировалась торговая война, начатая Д. Трампом против Китая.

Результаты анализа

Трампизм в таможенной политике США

Почему же именно вопросы таможенной политики так сильно поляризуют позиции либералов и консерваторов? Дело в том, что именно таможенная политика представляет собой универсальный экономический инструмент, позволяющий стимулировать либо затормаживать внедрение инноваций и тем самым управлять прогрессом, что, в конечном счете, и составляет задачу представителей обеих политических идеологий. В настоящее время, когда США являются оператором мирового капиталистического рынка и глобальным лидером в области высоких технологий, таможенный протекционизм в большей мере затрудняет трансфер технологий из США в другие страны. Таким образом, политика Д. Трампа, в первую очередь, направлена на удержание индустриального превосходства США над остальным миром.

С другой стороны, таможенная политика является удобным механизмом перераспределения прибавочной стоимости. В частности, именно благодаря высоким

охранительным тарифам Германия и США раньше, чем Великобритания с ее системой свободной торговли, завершили процесс монополизации производства [15]. В этой связи авторам представляется справедливой точка зрения американских политологов Р.Г. Маккроски и Дж. Заллера, которые считали капиталистические ценности воплощением консервативной идеологии [20]. Рассмотренный с этого ракурса протекционистский внешнеполитический курс Д. Трампа соответствует, прежде всего, интересам американских финансовых и промышленных магнатов, из круга которых он сам и вышел. В то же время в вопросах внутренней торговли республиканцы как раз выступают поборниками свободной, ничем не ограниченной конкуренции, в противоположность демократам, которые в целях достижения общественного консенсуса отстаивают антимонопольное регулирование рынка.

Но было бы ошибкой сводить экономические интересы США исключительно к выгоде американских монополий. После Гражданской войны промышленное производство в США росло настолько стремительными темпами, что уже к концу XIX в. Германия была озабочена тем, как защитить европейский рынок от американских товаров [10]. Еще в 1892 г. Ф. Энгельс предсказал, что если Америка откажется от протекционизма, то «через десять лет она побьет Англию на мировом рынке» [23]. Поэтому администрация большинства демократических президентов, в том числе Э. Джонсона, Г. Кливленда, В. Вильсона, Ф.Д. Рузвельта, Г. Трумэна, а после завершения холодной войны также У.Дж. Клинтона и Б.Х. Обамы, предпринимала настойчивые попытки ликвидировать таможенные барьеры, сковывавшие американскую торговлю.

Предсказание Ф. Энгельса о переводе мировой торговли на американские рельсы удалось реализовать Ф.Д. Рузвельту и продолжившему его реформы Г. Трумэну. Однако полностью завершить переход к принципам свободной торговли Г. Трумэну помешал в 1947 г. наблюдавшийся в начале холодной войны рост консервативных настроений, выразителем которых стал конгресс 80-го созыва, названный им «бездеятельным» [20, с. 43].

В отличие от Г. Трумэна Д. Трамп не только обеспечил себе поддержку обеих палат конгресса, но и сделал уверенный шаг в направлении «имперского президентства». Поскольку внешняя политика представляет собой наиболее вероятную сферу приложения подобных полномочий, то, вернувшись в Белый дом, именно в ней Д. Трамп и решил в первую очередь испытать пределы своей власти. В феврале 2025 г., не дожидаясь истечения срока действия USMCA, он начал таможенную войну против Канады и Мексики. Несмотря на то, что 28 мая 2025 г. Федеральный суд заблокировал введенные против этих стран тарифы, решив, что президент превысил свои полномочия, уже на следующий день действие этого решения было приостановлено апелляционной инстанцией. Это заставляет предполагать, что у Д. Трампа есть шанс успешно завершить тот президентский переворот, путь к которому начал еще Р. Никсон [20].

Многим нашим современникам подобная торговая политика действующего президента США может показаться непредсказуемой, особенно после президентского срока Дж. Байдена, планомерно работавшего над переносом ряда производств из Китая и созданием для них льготных условий в США. В действительности политическая линия Д. Трампа построена в соответствии со строгой логикой, описать которую проще всего с помощью бихевиористских моделей поведения.

Таможенная война представляет собой один из наиболее агрессивных приемов протекционистской политики, предусматривающий наложение различных ограничений на взаимную торговлю. До XIX в. такие войны в основном велись путем наложения эмбарго на ввоз или вывоз тех или иных товаров, но в наши дни в этих целях практикуется кардинальное повышение таможенных тарифов или введение импортных квот (тарифные и количественные ограничения). Например, введение заградительных пошлин в 100%, вдвое поднимающих конечную стоимость товара, может фактически парализовать торговлю между двумя странами. Но очевидно, что ведение таможенных войн может быть чревато и экономическим ущербом, так как в ответ на несправедливые торговые практики другая страна, как правило, отвечает симметричными мерами. Поэтому торговые войны обычно

не рассчитаны на длительные сроки. Создавая с их помощью временный товарный дефицит, вызывая ценовую инфляцию и подрывая иностранные производственно-сбытовые цепочки, инициатор войны преследует цель вынудить своего торгового партнера принять его коммерческие требования.

Как правило, достигнутые уступки аккумулируются при подписании нового торгового соглашения, являющегося результатом взаимных уступок, каждая сторона проходит свою часть пути навстречу другой. Поэтому, прежде чем подписать такое соглашение, партнеры по переговорам стараются выяснить степень заинтересованности друг друга в этой сделке и готовность идти на компромисс. Если сложившееся соотношение сил не позволяет ни одному из них рассчитывать на капитуляцию другого, то стороны могут не надеяться на безоговорочное принятие своих исходных требований. Соглашение состоится, когда их позиции сойдутся на какой-то промежуточной точке. Но будет ли точка их встречи находиться ближе к требованиям той или другой стороны? Местоположение этой точки выявляется в результате напряженной борьбы, маневрирования, весомости приведенных аргументов [12]. В отличие от Дж. Байдена, посвятившего всю свою жизнь бюрократической карьере, потомственный капиталист Д. Трамп обладает большим опытом в искусстве коммерческого торга. Существует универсальный прием, который может вплотную подвести партнеров по переговорам к капитуляции. Если убедить их добровольно пожертвовать теми или иными принципиальными положениями своей позиции, это сломит их решимость отстаивать ее до конца.

Вывод США из ТТИП и ТТП не повлек за собой немедленных последствий для американского бюджета, так как в 2016 г. эти соглашения еще не вступили в силу. Совсем по-иному обстояло дело с соглашением НАФТА, которое более двух десятилетий оказывало положительный эффект на американскую экономику. По этой причине во время своего первого президентского срока Д. Трамп ценой небольших взаимных уступок в торговых вопросах лишь убедил партнеров отказаться от общепринятого наименования интеграционного объединения и его постоянного характера. Новое название вместо идеи североамериканского единства подчеркивало формат межправительственного сотрудничества, а ограничение срока действия открывало возможности расторжения соглашения.

Уже убедившись в слабости переговорных позиций Мексики и Канады, свой второй срок Д. Трамп начал с шантажа. Несмотря на то, что введение пошлин на мексиканскую и канадскую продукцию противоречит обязательствам США по соглашению USMCA (на что и указал Федеральный суд), ему удалось таким образом разделить Канаду и Мексику. После ряда промежуточных уступок со стороны этих двух стран с Канадой была достигнута договоренность о согласовании нового торгового соглашения, которое должно заменить действующее, в то время как против Мексики были введены пошлины в 30%. Надо полагать, вывод США из соглашения НАФТА соответствовал изначальному плану Д. Трампа, но его немедленное осуществление могло нанести экономический ущерб значительной части электората, поэтому Д. Трамп и отложил его до своего переизбрания. Но в итоге экономического давления оказалось достаточно, чтобы мексиканское и канадское правительства сами пошли навстречу реализации замысла президента США, фактически возвращающего Канадско-американское соглашение о свободной торговле (CUSFTA), предшествовавшее НАФТА.

Разумеется, торговая война с Канадой и Мексикой, являющихся одними из самых значительных торговых партнеров США, представляет собой лишь эпизод протекционистского внешнеполитического курса Д. Трампа, который в апреле 2025 г. повысил своим указом пошлины на продукцию 184 из 193 стран мира. Однако, торговая война очень репрезентативна для понимания тех приемов, которые американский президент использует в своих торговых переговорах. Тот факт, что Д. Трамп намерен сохранить преференциальное соглашение с Канадой, очевидно, с одной стороны объясняется ее уникальным статусом крупнейшего торгового партнера США, в том числе главного

поставщика ядерного топлива, а с другой – декларативным намерением Д. Трампа интегрировать ее в состав США в качестве 51 штата.

Торговая война Д. Трампа против КНР: два раунда борьбы

Первый президентский срок Д. Трампа (2017-2021 гг.) положил начало таможенной войне между двумя крупнейшими экономиками мира – США и Китаем. Эта война стала попыткой разрешить накопившиеся между ними за долгие годы политические и экономические противоречия [5]. Однако вскоре взаимная эскалация вывела таможенную войну за рамки обычного экономического конфликта и, по мнению ряда исследователей, трансформировала ее в так называемую гибридную войну, в которой «под предлогом экономического конфликта технология санкционного подавления экономики и торговли становится главным оружием агрессора» [8, с 83]. Политика Д. Трампа привела к тому, что инициированный США торговый конфликт с Китаем стал приобретать признаки масштабной и продолжительной экономической войны с труднопредсказуемыми последствиями [7]. При этом администрация Д. Трампа использовала торговые ограничения как часть более широкой стратегии сдерживания Китая, затрагивающей научно-техническую, военную, политическую и дипломатическую сферы. Расширение влияния КНР в Южно-Китайском море, инвестиции в страны Азии, Африки и Латинской Америки, вложенные в рамках инициативы «Один пояс, один путь», а также рост военного потенциала Китая воспринимаются США как угроза своей гегемонии над мировым капиталистическим рынком [6; 19]. Кроме того, в последние годы Китай демонстрирует впечатляющие темпы научно-технологического развития в области исследований искусственного интеллекта, возобновляемых источников энергии, полупроводников и ряда других передовых технологий. Это вызывает серьезные опасения со стороны США, которые не хотят уступать свои лидирующие позиции в этих областях.

Завязкой конфликта послужили тарифы на ввоз в США солнечных батарей, введенные Д. Трампом в январе 2018 г., которые нанесли ощутимый коммерческий ущерб интересам китайских производителей. После этого последовала публикация доклада торгового представителя США Роберта Лайтхайзера о результатах расследования кражи интеллектуальной собственности американских компаний, в котором указывалось на систематическое применение Китаем дискриминационных практик, наносивших значительный ущерб американской торговле и позволявших китайским компаниям получить незаконный доступ к технологиям и инновациям своих американских конкурентов. Доклад, в котором речь шла о пиратском копировании программного обеспечения и нарушении патентных прав, стал основанием для распоряжения Д. Трампа от 22 марта 2018 г. о подготовке списка китайских товаров, подлежащих обложению повышенными пошлинами. Также администрация Д. Трампа заявила о намерении рассмотреть меры по ограничению китайских инвестиций в стратегически важные отрасли экономики США. 23 августа 2018 г. США обложили 25%-ными пошлинами китайский импорт на сумму 16 млрд долларов. Пошлины затронули самые разнообразные позиции: от мотоциклов и тракторов до железнодорожных комплектующих, радиотехники и сельскохозяйственного оборудования. Китай незамедлительно принял ответные меры, подняв тарифы на американскую химическую продукцию и энергоносители в равном размере. Кроме того, Китай подал иск в ВТО, выражая свое несогласие с действиями США. В свою очередь США 24 сентября 2018 г. расширили список облагаемых пошлинами товаров (электронные платы, продукты питания, инструменты и др.), введя 10% тарифы на китайский импорт уже на сумму 200 млрд долларов. Китай отреагировал введением пошлин на американскую продукцию в размере 60 млрд. долларов.

1 декабря 2018 г. стороны заключили 90-дневное перемирие. В январе 2019 г. состоялись два раунда переговоров в Пекине и Вашингтоне, по итогам которых Д. Трамп отложил дальнейшее повышение пошлин на китайские товары, и в феврале заявил о достигнутом прогрессе. В марте-апреле переговоры продолжались, и США создали обманчивое впечатление о приближении сторон к консенсусу. Однако надежда на приход

к взаимопониманию рухнула 5 мая 2019 г., когда Д. Трамп обвинил Китай в срыве сделки и повысил тарифы на китайский импорт, оцениваемый в сотни миллиардов долларов. Китай обещал ввести зеркальные ограничения против США с июня 2019 г.

Однако на саммите G20, проходившем 28-29 июня 2019 г. в Осаке, Си Цзиньпин и Д. Трамп договорились возобновить торговые переговоры и заморозить поднятие тарифов. Сделка должна была состояться при условии согласия КНР расширить импорт сельскохозяйственной продукции из США, и возможности закупки американской продукции для китайской компании Huawei, ведущего мирового поставщика интеллектуальных устройств и инфраструктуры в области информационно-коммуникационных технологий¹. Впрочем, 19 августа 2020 г. Д. Трамп отказался от дальнейших переговоров с китайской стороной, обвинив ее в распространении пандемии вируса COVID-19.

Китайская сторона неоднократно выражала обеспокоенность действиями администрации Д. Трампа, расценивая их как «односторонний, издевательский протекционизм, поведение, оказывающее давление на мир и справедливость, нарушающее договоренности между КНР и США, а также подрывающее взаимное уважение»². Справедливости ради отметим, что следующий президент США Дж. Байден (2021-2025 гг.) продолжил практику поднятия тарифов на китайские товары, хотя и избегал столь жесткой риторики, как его предшественник.

Администрации Дж. Байдена и Д. Трампа объединило использование страха перед растущей экономической и политической мощью Китая для внутренней мобилизации и оправдания американского протекционизма [4]. Различия же в их политике наиболее ярко проявились в отношении к окружающей среде и миграции. Разница в подходе к миграционной политике очень важна для понимания мировоззрения Д. Трампа. После его возвращения в Белый дом в январе 2025 г. ограничительные меры Дж. Байдена сменились политикой массовой депортации нелегальных иммигрантов, в том числе с привлечением армии. Надо полагать именно консервативные взгляды Трампа на иммигрантов и желание оградить от их натурализации американское гражданское общество послужили основным императивом, побудившим его добиваться исключения Мексики из НАФТА. Такой подход несет в себе риски социального напряжения внутри страны, нарушения прав человека и создания гуманитарного кризиса на границах с соседними государствами. Экономические последствия также могут быть весьма значительными, учитывая вклад иммигрантов в американскую экономику.

Экологическая повестка, которая занимала значительное место в программе Дж. Байдена, фактически всегда игнорировалась Д. Трампом, который смотрит на нефтедобывающую отрасль как на основной инструмент укрепления американской экономической мощи, что автоматически ведет к отказу от экологических инициатив и мер поддержки четвертого энергетического перехода. Таким образом, следуя своему кредо консерватора, Д. Трамп вместо стимулирования четвертой промышленной революции является сторонником эксплуатации существующей энергетической инфраструктуры. Дж. Байден в своей экономической политике делал главную ставку на субсидирование отдельных секторов американской промышленности, в основном автомобильного и энергетического, стремясь стимулировать внутреннее производство и ускорить энергетический переход через «Закон о снижении инфляции» 2022 года³. Д. Трамп же, вернувшись к власти, предложил куда более радикальную и агрессивную модель протекционизма. Его политика повышения таможенных пошлин выходит далеко за рамки

¹ Обухова Е., Мамедьяров З., Ивантер А. Углубленный курс трампономики для китайских товарищей // Эксперт. - 2019. - № 21(1120). - С. 13-19.

² Китай выразил протест США из-за повышения пошлин на импорт продукции из КНР. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6794993> (дата обращения: 26.11.2025).

³ Байден подписал закон о борьбе с инфляцией. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/08/2022/62fc006d9a794780e5852154?ysclid=m9wf2g3czj506856826> (дата обращения: 20.11.2025).

мер, применявшихся Дж. Байденом. Это не просто стимулирование отечественного производителя, а открытая торговая война, потенциально способная спровоцировать глобальный экономический кризис.

В своей инаугурационной речи 20 января 2025 г. Д. Трамп пообещал снова сделать Америку великой, победить рекордную инфляцию, снизить для американцев расходы и цены, обложив налогами другие страны. Таким образом, логика его выступления подразумевает, что США должны увеличить свое могущество за счет всех остальных стран¹.

Следует отметить, что общий объем торговли товарами США с Китаем в 2024 г. составил 582 млрд долл.: экспорт американских товаров в Китай – 143,2 млрд долл., а импорт в США китайских товаров – 438,7 млрд долл. Таким образом, дефицит торгового баланса США с Китаем в 2024 г. составил 295,5 млрд долл., что оказалось на 5,7% (15,9 млрд долл.) больше, чем в 2023 г.² Достигнуть паритета во внешней торговле можно либо повысив пошлины на ввозимые в США китайские товары, либо увеличив экспорт американских товаров в Китай. Д. Трамп решил пойти по первому, наиболее простому, пути. Поэтому начало второго президентского срока Д. Трампа ознаменовалось резкой эскалацией в торговой войне между США и Китаем. Катализатором стало введение США 1 февраля 2025 г. 10%-ных таможенных пошлин на все товары из Китая. Это решение затронуло практически все сектора американской экономики, сильно зависящей от китайского импорта.

Ответ Китая не заставил себя ждать: Пекин ввел пошлины на импорт угля и сжиженного природного газа (15%), нефти, сельскохозяйственной техники и крупных легковых автомобилей (10%). Это был целенаправленный удар по энергетическому сектору США и его сельскому хозяйству, двум важнейшим звеньям американской экономики.

4 марта 2025 г. пошлины на китайские товары в США взлетели до 20%. Однако, этот шаг, призванный сломить сопротивление Китая, вновь привел к ответным мерам со стороны Пекина, который ввел пошлины на импорт агропродукции из США, причем в этом случае особо пострадали соевые бобы – ключевой товар американского экспорта в Китай. Пошлины на сою составили 10-15%, что нанесло существенный удар по американским фермерам. Новый виток торговой войны между двумя державами привел к значительным экономическим потрясениям в США и за рубежом, вызвав падение фондовых индексов.

Однако, несмотря на это, 3 апреля 2025 г. администрация президента США объявила о введении новых таможенных тарифов. В списке, опубликованном Белым домом, значились 184 государства и территории, в том числе ЕС, в состав которого входят 27 стран³. Это вызвало напряженность в отношениях с ключевыми торговыми партнерами и союзниками. В США вспыхнули массовые протесты против проводимой в стране экономической политики.

Стремительное развитие торговой войны привело к тому, что 10 апреля пошлины на китайские товары в США достигли рекордных 145%. Это было беспрецедентное повышение, которое фактически парализовало значительную часть двусторонней торговли. В ответ Пекин ввел ограничения на экспорт некоторых полезных ископаемых, в том числе редкоземельных металлов, после чего Белый дом стал угрожать введением 245 %-ных пошлин⁴. Для открытия диалога между странами Китай требовал от США отмены всех

¹ Read President Trump's full inauguration speech. [Электронный ресурс]. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.7951deca-68ade8ae-40b9f1b1-74722d776562/https://nypost.com/2025/01/20/us-news/read-president-trumps-full-inauguration-speech/ (дата обращения: 28.10.2025).

² The People's Republic of China. [Электронный ресурс]. URL: <https://ustr.gov/countries-regions/china-mongolia-taiwan/peoples-republic-china> (дата обращения: 27.11.2025).

³ В отношении каких стран Трамп ввел пошлины. Карта. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/03/04/2025/67eea2609a79470dbc74eb8e?ysclid=ma9e5bs7bn758538477> (дата обращения: 26.11.2025).

⁴ Баффетт назвал «большой ошибкой» введение Трампом импортных пошлин. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/03/05/2025/68165b839a79473c7e1cc0ab?ysclid=ma9djryb96841882693> (дата обращения: 28.11.2025).

тарифов, введенных в одностороннем порядке. Пекин настаивал, что первым шагом к деэскалации должна стать инициатива со стороны США.

Агрессивная тарифная политика, которую реализовал Д. Трамп после своего возвращения в Белый дом, оказала значительное влияние на экономическую ситуацию в самих США. В частности, в первом квартале 2025 г. экономика США столкнулась с серьезными проблемами, что выразилось в ее снижении и падении фондовых индексов. Несмотря на это, все негативные последствия, связанные с введением новых тарифов, Д. Трамп пытался списать на «наследие Байдена» и на ошибки, допущенные предыдущей администрацией. Он утверждал, что его экономическая политика, в конечном итоге, принесет свои плоды, и американцам стоит «немного потерпеть», чтобы увидеть ее положительные результаты.

В начале мая, после напряженных и интенсивных переговоров в Женеве, США и Китай решили приостановить свою торговую войну на 90 дней. В рамках достигнутой договоренности стороны согласились на снижение пошлин: США временно уменьшили тарифы на китайские товары со 145 до 30%, в то время как Китай снизил пошлины на американский импорт со 125 до 10%¹.

Следующим этапом переговоров после этого временного понижения пошлин станет создание двусторонней платформы, на которой будет регулярно обсуждаться широкий спектр торгово-экономических вопросов. Предполагается, что заседания этой платформы будут проходить поочередно в Китае и США, или, по согласованию сторон, на нейтральной территории. Основная цель создания такой платформы заключается в выработке стабильных механизмов для урегулирования торговых споров и укрепления экономического сотрудничества между двумя державами.

С одной стороны, новости о нормализации экономических отношений между США и Китаем оказали благоприятное влияние на мировые фондовые рынки, что свидетельствует о том, что инвесторы восприняли их с оптимизмом. Стороны надеются, что за 90 дней, отведенных для обсуждения и поиска решений, они смогут выработать долгосрочные меры, которые помогут избежать дальнейшего обострения торговых отношений и создадут более стабильную экономическую среду для бизнеса. С другой стороны, ход таможенной войны продемонстрировал, что Китай занимает твердую переговорную позицию, которую невозможно сломить такими психологическими приемами, которые сепарировали Канаду и Мексику друг от друга.

Резкое заявление Д. Трампа 25 августа 2025 г., содержащее угрозы в отношении Китая в случае прекращения поставок в США «редкоземельных магнитов», лишний раз подчеркивает глубокую озабоченность США по поводу контроля Китая над ключевыми минеральными ресурсами, в частности, редкоземельными металлами². Доминирующее положение Китая на рынке этих металлов, широко используемых в производстве магнитов, электроники, катализаторов, люминофоров и многих других, необходимых современному обществу товаров, дает ему значительное преимущество в торговой конфронтации с США. Это преимущество означает, что любое прекращение или значительное ограничение поставок редкоземельных металлов может нанести серьезный удар по американской экономике.

Выводы

Также как отдельное государство, мировой капиталистический рынок представляет собой особую социальную систему, с той разницей, что основана она преимущественно не на политических, а на экономических связях. Его функционирование подчиняется своим

¹ На торговом фронте перемены. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7713329?ysclid=malfwvle9v17886940> (дата обращения: 20.11.2025).

² Месть по-трамповски. Китай получит 200% пошлины за запрет экспорта редкоземельных металлов, нужных в производстве электроники и чипов. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2025-08-27_mest_po-trampovskikitaj?ysclid=meu7u7qt2w708872321 (дата обращения 28.11.2025).

циклам, которые в научном лексиконе носят имя волн Кондратьева. Их хронология определяется не сменой людских поколений, а совокупностью внедренных в производство инноваций, так называемых технологических укладов¹. К тому же носителями различных политических платформ в нем, прогрессивных либо консервативных, вместо партий являются те или иные государства. Прогрессивную идеологию олицетворяют приверженцы принципов свободной торговли, а консервативную – протекционистские державы. Последние создают неравные условия конкуренции для всех остальных участников рынка, тормозят экономический рост, затрудняют внедрение инноваций, увеличивают цены для потребителей и тем самым провоцируют геополитическую напряженность.

На протяжении первых трех циклов Кондратьева оператором мировой системы выступала Великобритания, затем в течение последующих двух – США, а в начале шестого цикла на эту роль стал претендовать Китай. Первый цикл Кондратьева проходил под знаменем умеренного протекционизма. Во втором и третьем Великобритания удерживала контроль над рынком именно благодаря переходу к принципам свободной торговли, но в 1932 г. создала тарифный барьер в рамках таможенной войны с США. Перехватив у нее бразды правления над мировой экономикой в четвертом цикле США попытались принять и эстафету свободы торговли, но вместо этого скатились обратно к протекционизму. При этом главным поборником фритредерства временно стал СССР, который тщетно старался оспорить экономическую власть США через основанное им интеграционное объединение СЭВ. В конце пятого цикла Кондратьева У.Дж. Клинтон и Б.Х. Обама осознали, что долго сохранять за собой капиталистический рынок при господстве протекционизма США не смогут, и начали свои реформы. Китай, который одновременно с ними взялся за распространение принципов свободы торговли в рамках своей глобализационной инициативы «Один пояс, один путь», оказался при этом в положении неравного конкурента. Но так уж получилось, что начало шестого цикла Кондратьева совпало с приходом в Белый дом шестнадцатого американского политического поколения – консерваторов, которые тяготеют к протекционистскому политическому курсу.

Главная задача торговых войн Д. Трампа – затормозить рост экономики главного стратегического конкурента США, Китая, против которого он выдвинул обвинения в масштабном нарушении правил международной торговли, в том числе введении рекордных пошлин, незаконных субсидий, манипуляции с валютным курсом, краже интеллектуальной собственности, и создании нетарифных барьеров, препятствующих доступу американских товаров на китайский рынок. Безусловно, политика протекционизма Д. Трампа, хотя и способна временно затормозить экономический рост Китая, в долгосрочной перспективе может оказаться ему выгодной.

Это объясняется тем, что политика Д. Трампа направлена не только против Китая, но и против Европейского союза, одного из крупнейших торговых партнеров США [2]. Создавая торговые барьеры для ЕС, Д. Трамп фактически подталкивает Европу к более тесному экономическому сотрудничеству с Китаем. Такое сотрудничество, в свою очередь, может ускорить процесс накопления капитала КНР, предоставляя ей новые рынки и источники инвестиций, а также компенсируя негативное влияние американских санкций. Можно предположить, что краткосрочные потери Китая от протекционистской политики США вполне могут быть компенсированы долгосрочными выгодами от укрепления его экономических связей с Европой, которые возникают как следствие действий Д. Трампа.

Следует отметить, что торговая война ускорила технологическую гонку, так как заставила обе страны увеличить инвестиции в сферу технологических разработок, что может значительно стимулировать научный прогресс. Кроме того, США удалось добиться от Китая

¹ Концепция шести технологических укладов базируется на теории четырех промышленных революций, однако к их числу добавлены два малых промышленных переворота. Также как циклы американской политической жизни иногда отклоняются от смены конкретных поколений, периоды экономического подъема и спада в рамках волн Кондратьева имеют некоторые расхождения с хронологическими границами технологических укладов.

некоторых уступок в вопросах охраны интеллектуальной собственности и закупки американских товаров. Однако, основные последствия торговой войны носят негативный характер, так как она вызвала рост цен на некоторые категории товаров, нарушила производственно-сбытовые цепочки и нанесла серьезный ущерб экономике третьих стран. Мировая экономика с ее сложившимися правилами игры, безусловно, страдает от нарушения торговых потоков, снижения доверия и деградации уровня взаимовыгодного сотрудничества между странами. Все это увеличивает вероятность наступления кризиса, предсказанного еще А.М. Шлезингером. Более того, в контексте растущей напряженности в международных отношениях, риск разрешения подобного кризиса силовыми методами становится уже не гипотетическим сценарием, а реальной угрозой, выходящей за рамки внутренних проблем США и приобретающей глобальный характер.

Литература

1. Алексеев Р.А. Политика Д. Трампа в свете первых президентских указов: реалии и перспективы политического курса США // Журнал политических исследований. – 2025. – Т. 9. - № 1. – С. 41-60. DOI: 10.12737/2587-6295-2025-9-1-41-60.
2. Арбатова Н.К. Второе пришествие Трампа: шанс для Европы? // Полис. Политические исследования. – 2025. – № 4. – С. 23-35. DOI: 10.17976/jpps/2025.04.03.
3. Арриги Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. – М.: Территория будущего, 2006. – 472 с.
4. Бабошкина А.А. Новая криптовалюта в США и реакция Европейского союза // Российский внешнеэкономический вестник. – 2025. – № 2. – С. 69-76. DOI: 10.24412/2072-8042-2025-2-69-76.
5. Боровский Ю.В. Взгляд наступательного реализма и либерализма на внешнюю политику США // Полис. Политические исследования. – 2024. – № 1. – С. 21-35. DOI: 10.17976/jpps/2024.01.03.
6. Ван Ц. Характеристики новой глобализации и предложение новой глобализации Китая // Международные отношения. – 2024. – № 2. – С. 113-120. DOI: 10.7256/2454-0641.2024.2.40982.
7. Виноградов А.О., Салицкий А.И., Семенова Н.К. Америко-китайская экономическая конфронтация: идеология, хронология, значение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2019. – Т. 19. - № 1. – С. 35-46. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-35-46.
8. Го Ф., Манойло А.В. Торговая война США против Китая в период президентского правления Д. Трампа как составляющая современных гибридных войн // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2022. – № 5. – С. 81-92.
9. Гугняк В.Я. Жан Боден (1530-1596) как представитель раннего меркантилизма // Вопросы экономики и права. – 2015. – № 83. – С. 80-85.
10. Игнатъев А.В. С.Ю. Витте – дипломат. – М.: Международные отношения, 1989. – 336 с.
11. Кенэ Ф., Тюрго А.Р.Ж., Дюпон де Немур П.С. Физиократы. Избранные экономические произведения. – М.: Эксмо, 2008. – 1200 с.
12. Ковалев А.Н. Азбука дипломатии. – М.: Международные отношения, 1988. – 288 с.
13. Ковалевский М.М. Современные социологи. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 432 с.
14. Комкова Е.Г. ЮСМКА вместо НАФТА. // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63. - № 4. – С. 50-58. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-4-50-58.
15. Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. (Популярный очерк). – М.: Политиздат, 1989. – 125 с.
16. Лист Д.Ф. Национальная система политической экономии. – М.: Социум, 2025. – 451 с.
17. Неру Дж. Взгляд на всемирную историю. Пер. с англ. В 3-х томах, под ред. Г.Л. Бондаревского, П.В. Куцобина и А.Л. Нарочницкого. Т. 2. – М.: Прогресс, 1977. – 504 с.

18. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Пер. с англ. Ключкина П.Н. – М.: Эксмо, 2023. – 1056 с.
19. Фурсов С.В., Шумкин А.В. Россия в рамках глобализационного проекта Китая: возможности и риски // Вопросы политологии. – 2025. – Т. 15. - № 3 (115). – С. 975-992. DOI: 10.35775/PSI.2025.115.3.023.
20. Шлезингер А.М. Циклы американской истории. Пер. с англ. Развина П.А. и Бухаровой Е.И. Закл. статья Терехова В.И. – М.: Прогресс, 1992. – 688 с.
21. Шумкин А.В. Геоэкономическое значение учреждения ВРЭП (к вопросу о современных процессах трансрегионализации) // Вопросы политологии. – 2024. – Т. 14. - № 4 (104). – С. 1324-1333. DOI: 10.35775/PSI.2024.104.4.015.
22. Шумкин А.В. Интеграционный проект Большого Евразийского партнерства: проблемы устранения таможенного барьера // Большое Евразийское партнерство: новые парадигмы и смыслы развития: Доклады и материалы международной научной конференции, Москва, 15-16 июня 2023 г. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та. – 2023. – С. 320-328.
23. Энгельс Ф. Протекционизм и свобода торговли. Предисловие к брошюре: Карл Маркс. «Речь о свободе торговли». // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения: В 39 т. Изд. 2-е. Т. 22. – М.: Гос. издательство полит. литературы, 1962. – С. 372-389.
24. Balassa B. The Theory of Economic Integration. London: Routledge. 2011. 318 p.
25. Hettne B., Söderbaum F. The New Regionalism Approach. // Politeia. – 1998. – Vol. 17. – Iss. 3. – P. 6-21.
26. Swenson J.R., Nussbaum A. A Concise History of the Law of Nations // Michigan Law Review. – 1947. Nov. – Vol. 46. – Iss. 1. – P. 121.

References

1. Alekseev R.A. Politika D. Trampa v svete pervykh prezidentskikh ukazov: realii i perspektivy politicheskogo kursa SShA [D. Trump's Policies in Light of the First Presidential Decrees: Realities and Prospects of the US Political Course]. Zhurnal politicheskikh issledovaniy [Journal of Political Studies]. 2025, V. 9, I. 1, pp. 41-60. DOI: 10.12737/2587-6295-2025-9-1-41-60. (in Russian).
2. Arbatova N.K. Vtoroe prishestvie Trampa: shans dlya Evropy? [Trump's Second Coming: A Chance for Europe?]. Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]. 2025, I. 4, pp. 23-35. DOI: 10.17976/jpps/2025.04.03. (in Russian).
3. Arrigi Dzh. Dolgiy dvadtsatyy vek: Den'gi, vlast' i istoki nashego vremeni [The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Time]. Moscow, Territoriya budushchego, 2006, 472 p. (in Russian).
4. Baboshkina A.A. Novaya kriptovalyuta v SShA i reaktsiya Evropeyskogo soyuza [The New Cryptocurrency in the United States and the European Union's Response]. Rossiyskiy vneshneekonomicheskii vestnik [Russian Foreign Economic Bulletin]. 2025, I. 2, pp. 69-76. DOI: 10.24412/2072-8042-2025-2-69-76. (in Russian).
5. Borovskiy Yu.V. Vzgl'yad nastupatel'nogo realizma i liberalizma na vneshnyuyu politiku SShA [The View of Offensive Realism and Liberalism on U.S. Foreign Policy]. Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]. 2024, I. 1, pp. 21-35. DOI 10.17976/jpps/2024.01.03. (in Russian).
6. Van Ts. Kharakteristiki novoy globalizatsii i predlozhenie novoy globalizatsii Kitaya [Characteristics of the New Globalization and the Proposal for China's New Globalization]. Mezhdunarodnye otnosheniya [International relations]. 2024, I. 2, pp. 113-120. DOI: 10.7256/2454-0641.2024.2.40982. (in Russian).
7. Vinogradov A.O., Salitsky A.I., Semenova N.K. Amerikano-kitaiskaya ekonomicheskaya konfrontatsiya: ideologiya, khronologiya, znachenie [US—China Economic Confrontation: Ideology, Chronology, Meaning]. Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya [Vestnik RUDN. International Relations]. 2019, V. 19, I. 1, pp. 35-46. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-35-46. (in Russian).

8. Go F., Manoylo A.V. Torgovaya voyna SShA protiv Kitaya v period prezidentskogo pravleniya D. Trampa kak sostavlyayushchaya sovremennykh gibridnykh voyn [The US trade war against China during the presidency of Donald Trump as a component of modern hybrid wars]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki [Bulletin of Moscow University. Series 12: Political Sciences]. 2022, I. 5, pp. 81-92. (in Russian).
9. Gugnyak V.Ya. Zhan Boden (1530-1596) kak predstavitel' rannego merkantilizma [Jean Bodin (1530-1596) as a representative of early mercantilism]. Voprosy ekonomiki i prava [Economic and law issues]. 2015, V. 83, pp. 80-85. (in Russian).
10. Ignat'ev A.V. S.Yu. Vitte – diplomat [S.Yu. Witte – Diplomat]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1989, 336 p. (in Russian).
11. Kene F., Tyurgo A.R.Zh., Dyupon de Nemur P.S. Fiziokraty. Izbrannye ekonomicheskie proizvedeniya. [Physiocrats. Selected Economic Productions]. Moscow. Eksmo, 2008, 1200 p. (in Russian).
12. Kovalev A.N. Azbuka diplomatii [The ABC of Diplomacy]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1988, 288 p. (in Russian).
13. Kovalevskiy M.M. Sovremennye sotsiologi. [Modern sociologists]. Moscow, Izdatel'stvo LKI, 2008, 432 p. (in Russian).
14. Komkova E.G. YuSMKA vmesto NAFTA [USMCA instead of NAFTA]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World economy and international relations]. 2019, V. 63, I. 4, pp. 50-58. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-4-50-58. (in Russian).
15. Lenin V.I. Imperializm, kak vysshaya stadiya kapitalizma. (Populyarnyy ocherk). [Imperialism as the Highest Stage of Capitalism. (A Popular Essay)]. Moscow, Politizdat, 1989, 125 p. (in Russian).
16. List D.F. Natsional'naya sistema politicheskoy ekonomii. [The national system of political economy]. Moscow, Sotsium, 2025, 451 p. (in Russian).
17. Neru Dzh. Vzgl'yad na vseмирnuyu istoriyu. Per. s angl. V 3-kh tomakh, pod red. G.L. Bondarevskogo, P.V. Kutsobina i A.L. Narochitskogo. [A look at world history]. V. 2. M.: Progress, 1977, 504 p. (in Russian).
18. Smit A. Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov. Per. s angl. Klyukina P.N. [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations]. Moscow, Eksmo, 2023, 1056 p. (in Russian).
19. Fursov S.V., Shumkin A.V. Rossiya v ramkakh globalizatsionnogo proekta Kitaya: vozmozhnosti i riski [Russia in China's Globalization Project: Opportunities and Risks]. Voprosy politologii [Questions of political science]. 2025, V. 15, I. 3 (115), pp. 975-992. DOI: 10.35775/PSI.2025.115.3.023. (in Russian).
20. Shlezinger A.M. Tsikly amerikanskoj istorii. Per. s angl. Razvina P.A. i Bukharovoy E.I. Zakl. stat'ya Terekhova V.I. [Cycles of American History]. M.: Progress, 1992, 688 p. (in Russian).
21. Shumkin A.V. Geoekonomicheskoe znachenie uchrezhdeniya VREP (k voprosu o sovremennykh protsessakh transregionalizatsii) [The Geoeconomic Significance of the RCEP Institution (on the Issue of Contemporary Transregionalization Processes)]. Voprosy politologii [Questions of political science]. 2024, V. 14, I. 4(104), pp. 1324-1333. DOI: 10.35775/PSI.2024.104.4.015. (in Russian).
22. Shumkin A.V. Integratsionnyy proekt Bol'shogo Evraziyskogo partnerstva: problemy ustraneniya tamozhennogo bar'era [The Great Eurasian Partnership Integration Project: Challenges in Removing Customs Barriers]. Bol'shoe Evraziyskoe partnerstvo: novye paradigmy i smysly razvitiya: Doklady i materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Moskva, 15-16 iyunya 2023 g. [The Great Eurasian Partnership: New Paradigms and Meanings of Development: Reports and Materials of the International Scientific Conference, Moscow, June 15-16, 2023]. M.: Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta. 2023, pp. 320-328. (in Russian).
23. Engel's F. Protektsionizm i svoboda torgovli. Predislovie k broshyure: Karl Marks. «Rech' o svobode torgovli» [Protectionism and free trade. Preface to the brochure: Karl Marx.

- «It's about free trade»]. K. Marks, F. Engel's. Sochineniya. V 39 t. Izd. 2-e. V. 22. M.: Gos. izdatel'stvo polit. literatury. 1962, pp. 372-389. (in Russian).
24. Balassa B. The Theory of Economic Integration. London, Routledge Publ., 2011, 318 p.
25. Hettne B., Söderbaum F. The New Regionalism Approach, *Politeia*. 1998, V. 17, I. 3, pp. 6-21.
26. Swenson J.R., Nussbaum A.A Concise History of the Law of Nations, *Michigan Law Review*. 1947, Nov., V. 46, I. 1, p. 121.